

ДЕЛИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНОЗЕМЦЕВ (XVIII–XIX ВВ.)

© 2023

А. А. Козлова¹

Дели XVIII–XIX вв. пережил неоднократные удары судьбы. Внутренние распри, череда нашествий и грабежей, несомненно, оставили свой след в жизни города. Иноземные захватчики стремились заполучить в свои руки прославленную столицу Дели, которая на протяжении всей Могольской эпохи являлась символом власти. Нашествия Надир-шаха и Ахмад-шаха Абдали усугубили неприязнь к персидскому языку, и хотя изучение его не прекращалось, появился целый ряд стихотворцев, писавших на урду. Недовольство положением дел в столице и эмоциональные переживания нашли отражение в жанре шахр-е ашоб – стихах о бедствиях и разрушениях города. Покровительство (как могольских падишахов, так и британцев) способствовало расцвету изящных искусств в Дели в первой половине XIX в. Часть придворных живописцев продолжила работать в позднемогольском стиле, другая же стала писать свои работы под влиянием живописной школы британского натурализма и в угоду вкусам проживавших в Дели иностранцев. В результате в изобразительном искусстве сформировалось отличное от позднемогольского стиля направление, которое стало называться кампани калам или стиль/живопись [Ост-Индской] компании.

Ключевые слова: Дели, Шахджаханабад, Могольская империя, Поздние Моголы, литература, изобразительное искусство, влияние иностранцев

Для цитирования: Козлова А. А. Дели под влиянием иноземцев (XVIII–XIX вв.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 4. С. 32–41. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-032-041

DELHI UNDER FOREIGN INFLUENCE (EIGHTEENTH AND NINETEENTH CENTURY)

Alexandra A. Kozlova

Throughout the Mughal era the city of Delhi was a symbol of power, so foreign invaders sought to take control of it. Delhi has suffered repeated blows of fate. Internal strife, a series of invasions and robberies undoubtedly left their mark on the life of the city. The invasions of Nadir Shah and Ahmad Shah Abdali provoked hostility towards the Persian language, and although it was still in use, a number of poets gravitated toward the use of Urdu. Dissatisfaction with the state of affairs in the capital and emotional experiences of the Delhi inhabitants were reflected in poems about the disasters and destruction of the city. These poems formed a genre named Shahr-e Ashob. Mughal padishahs and the British both patronized the fine arts, which brought a great contribution to the flourishing of fine arts in Delhi in the first half of the 19th century. Some of the court painters continued to work in the late Mughal style, while others in their pursuit of pleasing the tastes of foreigners living in Delhi began to paint their works under the influence of the pictorial school of British naturalism.

¹ Козлова Александра Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, Москва; kaa-iaas@mail.ru

Alexandra A. Kozlova, PHD (History), Research Fellow, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; kaa-iaas@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3799-6086

As a result, in the visual arts was formed the so called East India Company style or painting, which was much different from the late Mughal style.

Keywords: Delhi, Shahjahanabad, Mughal Empire, Late Mughals, literature, fine arts, influence of foreigners

For citation: Kozlova A. A. Delhi under Foreign Influence (Eighteenth – Nineteenth Century). *Vestnik*

Instituta vostokovedeniya RAN. 2023. No. 4. Pp. 32–41. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-032-041

Город Дели был символом власти на протяжении всей Могольской эпохи, поэтому иноземные захватчики стремились заполучить в свои руки прославленную столицу. Несмотря на неоднократные удары судьбы, которые пришлось пережить Дели, говорить о резкой и безвозвратной деградации столицы не приходится. Внутренние распри, череда нашествий и грабежей, несомненно, оставили свой след в жизни города, однако Дели сохранил функции важнейшего историко-культурного центра Северной Индии, продолжая развиваться.

НАСЕЛЕНИЕ И АТМОСФЕРА ДЕЛИ

Вторжение иноземных захватчиков повлияло наиболее негативно на численность населения Дели и на уровень и качество жизни делийцев. Население Дели во второй половине XVII в. могло составлять около 500 000 человек [Lough, 1961, vol. V, p. 246]. По предположению исследователя Стивена Блейка, на начало правления Мухаммад-шаха Рангилы (пр. 1719–1748) численность населения Дели, возможно, составляла около 400 000 чел. [Blake, 1991, p. 175]. Вторжение в 1739 г. в Дели Надир-шаха (1688–1747) и дальнейшие удары судьбы — грабительские набеги основателя Дурранийской державы Ахмад-шаха Дуррани/Абдали (ок. 1721–1773), маратхские войны и отложение Ауда, Бенгалии и Хайдарабада, английское вторжение и битва при Плессси (1757) — негативно повлияли на Дели и Могольскую империю. Уолтер Гамильтон, член Королевского Азиатского Общества, ссылаясь на данные Фрэнсиса Бьюкенена², общую численность жителей города на начало XIX в. оценил в 312 тыс. человек [Hamilton, 1820, vol. I, p. 262]. В период упадка империи Моголов, сопровождавшегося войнами, мятежами, вторжениями иноземных захватчиков, произошло резкое сокращение платежеспособного населения и спроса на товары, что обусловило движение масс людей из города в деревни.

Даргах Кули-хан, перс по происхождению, находился на службе у *наваба* Низам-ул-мулка Асаф-Джаха I³ (1671–1748), правившего в Декане. Даргах Кули-хан был назначен официальным летописцем и состоял в свите Асаф-Джаха I, когда тот отправился в Дели по приглашению падишаха Мухаммад-шаха Рангилы для решения политических вопросов. Он пробыл в столице несколько лет, с 1737 (1738) по 1741 г. В историческом сочинении «Муракка-е Дели» («Делийский альбом») Кули-хан рисует захватывающую картину социальной и культурной жизни Дели XVIII в. Наблюдения Даргаха Кули-хана, сделанные незадолго до и после вторжения Надир-шаха, представляют собой иллюстрацию культурной и политической жизни Дели, где немислимым образом сочетались крайности. Великолепие культуры Великих Моголов резко выделялось на фоне политических потрясений и вызванных ими уныния и депрессии.

² Фрэнсис Бьюкенен / Фрэнсис Бьюкенен-Гамильтон (1762–1829) — шотландский ученый, по заказу правительства Бенгалии в 1807–1814 гг. исследовавший территории, которыми владела Ост-Индская компания.

³ Низам-ул-мулк Асаф-Джах I (1671–1748) — визирь империи Великих Моголов, основатель династии низамов Хайдарабада (1720–1948). Известен также как Мир Камар-уд-дин и Чин Килич хан.

Во время нашествия Надир-шаха поднять и укрепить дух делийцев помогала музыка. Музыканты, выступавшие для императорского двора и лично Мухаммад-шаха, (Ниамат Кхан, Боле Кхан Калавант, Таки, Чамани и прочие) стали играть представления повсеместно и для горожан [Dargah Quli Khan, 1989, p. 91, 96, 108]. По наблюдениям Кули-хана, музыка была самой распространенной и популярной формой развлечения, практикуемой во всех сферах жизни, которой покровительствовали и при дворе, и в домах знати, в домах суфиев, музыкантов и танцоров. Музыка звучала на улицах и в местах общего пользования. Она объединяла людей разного вероисповедания, социального положения, выступала как мощный инструмент культурной интеграции и социальной гармонии.

Женщины-танцовщицы, которых упоминает Кули-хан, были юны, красивы и чрезвычайно талантливы, повсеместно признаны и желанны. Только богатые люди могли позволить себе покровительствовать им. Некоторые из женщин, такие как Нур Баи, Камал Баи, Чак Мак Дани были непосредственно связаны с императорским двором [Dargah Quli Khan, 1989, p. 110, 111, 122]. О знаменитой танцовщице и исполнительнице газелей Камал Баи автор писал — после нашествия Надир-шаха падишах воздерживался от музыкальных вечеров и приостановил их проведение во дворце. Таким образом, общество Камал Баи, которое ранее было запрещено простым людям, стало теперь им доступно [Dargah Quli Khan, 1989, p. 122]. Кули-хан оставил аналогичный комментарий, когда упоминал об исполнительницах по имени Панна и Тану [Dargah Quli Khan, 1989, p. 121, 124]. До вторжения Надир-шаха Панна была главной танцовщицей императорского двора, ее манящая красота и грациозность доставляли огромное удовольствие *бадшаху*, который осыпал ее милостями. Теперь же она организовывала музыкальные вечера для своих поклонников и радовала их выступлениями. Ее стиль весьма своеобразен — в речи она использовала разговорный диалект, изобиловавший пословицами, идиомами и даже бранными словами, что завораживало и приводило в восторг аудиторию [Dargah Quli Khan, 1989, p. 124]. После вторжения Надир-шаха состояние людей искусства сильно пошатнулось, количество проводившихся в Дели *мехфилов*⁴ значительно сократилось.

XVIII век в истории могольской Индии обычно характеризуется как период упадка, декадентства и деградации. Во многих источниках вторжение Надир-шаха и устроенная им в городе резня рассматриваются как маркер конца величия могольского Дели, но Даргах Кули-хан воспринимал эти события как временный регресс и спад в жизни столицы. Дели сохранял функции важнейшего историко-культурного центра Северной Индии, продолжая развиваться. Несмотря на упадок города, многими воспринимавшийся как унижение, Даргах Кули-хан описывал Дели как город по-прежнему яркий и утонченный, полный очарования и интриг. Столица оставалась городом радости, местом, примечательным своими безумными вечеринками, яркими торжествами и фестивалями. Красота дворцов и святых мест Дели «соперничала» только с великолепным многообразием общества и ошеломляющим количеством поэтов, танцоров и мистиков. По словам Кули-хана, культурная жизнь в городе находилась в самом расцвете, а люди смогли сохранить радость к жизни и веселый нрав.

Относительно спокойный период Дели переживал с 1803 г., когда падишах Шах Алам II был вынужден признать власть англичан и перейти под «покровительство» британской Ост-Индской компании. Прежняя незащищенность исчезла, жизнь города шла по накатанной колее до восстания 1857–1859 гг.

⁴ *Мехфил* (перс. محفل / महफिल) — букв. заседание, ассамблея; вечера придворных развлечений, на которых проходили состязания поэтов, выступали музыканты, певцы, танцоры.

Общая картина города до мятежа была хорошо описана Чарльзом Ф. Эндрюсом⁵ на основе отчетов старожилов [Andrews, 1929, p. 4–9]. «В мирные годы после британской оккупации» Дели процветал и был весьма многолюден. Одним из самых густонаселенных районов Старого Дели было то место, где ныне проходит сеть железнодорожных линий. Большое открытое пространство между Джаме Масджид и Красным фортом, которое во времена Эндрюса использовалось исключительно в военных целях, в то время было заполнено домами городских жителей среднего класса и использовалось как жилой квартал. Там также были дома, принадлежавшие знати Могольского двора [Andrews, 1929, p. 4–7].

Весной 1857 г. Дели больше не был экономически приграничным городом, окруженным истощенной сельской местностью. В городе было большое изобилие, и люди из-за нехватки места и мирных условий начали переезжать и поселяться за городскими стенами. Продукты питания были дешевы. Долгое время цены оставались чрезвычайно низкими, поскольку Дели был центром очень большого и плодородного сельскохозяйственного района [Andrews, 1929, p. 4–7]. Также Дели становился коммерческим центром быстро растущей торговли [Spear, 2011, p. 194]. За стенами города наблюдался рост пригородов, появлялись британские бунгало. Гражданские чиновники переезжали из обнесенного стеной Старого Дели, покидая район Дарьягандж и район у Кашмирских ворот. Некоторые, такие как сэр Эдвард Колбрук⁶ и Томас Метка(л)ф⁷, построили особняки на открытой местности. Новую жизнь обрел и район Мехраули, который стал местом летнего отдыха для могольского падишаха и аристократии. Двор был культурным центром, индусы доминировали в коммерческой жизни, а британцы руководили администрацией. Официальные вечеринки в саду Метка(л)ф-хауса посещали принцы Великих Моголов, индуистские банкиры, а также британские чиновники и их жены [См. Steel, 1897, Bk. 2, ch. 5].

Сипайское восстание весьма негативно сказалось на могольской столице, имперский город сокрушили время и насилие. Европейские путешественники, посетившие Дели после 1857–1859 гг., выразили большое сожаление по поводу изменения облика города. Дели сразу после восстания выглядел весьма удручающе: «Не было видно ни души, только тишина и абсолютное опустошение. Магазины, где продавалось золото, серебро, бесценные индийские шали, были разграблены и выпотрошены. Дома были открыты и необитаемы... <...> Дели сейчас похож на открытую могилу с перевернутым содержимым, и в таком оскверненном состоянии [город] лежит обнаженный у всех на виду среди бела дня» [Minturn, 1858, p. 279]. Напоминанием о резне 1857 г. служили земляные насыпи, разбросанные по округе пустые руины, разбитые городские стены. Плиты и кресты на могилах павших солдат за кашмирскими воротами довершали печальную картину [Matheson, 1870, pp. 356–357].

Несмотря на негативные последствия восстания, некоторые районы Дели достаточно быстро восстанавливались, из них убрали мусор и продолжали работы по очистке [Matheson, 1870, p. 353]. Город продолжал жить дальше: благодаря англичанам в Дели появилось много нового (телеграф, почта, железнодорожные пути, мосты через реки, хороший караван-сарай для размещения путешественников и т. п.). Путешественники отмечали, что в лучшую сторону

⁵ Чарльз Фрэнк Эндрюс (1871–1940) — священник англиканской церкви и христианский миссионер, педагог и социальный реформатор, борец за независимость Индии. Эндрюс был близким другом Рабиндраната Тагора и Махатмы Ганди и присоединился к освободительной борьбе Индии.

⁶ Сэр Эдвард Колбрук (1761–1838), 3-й барон Колбрук. Британский резидент / политический агент в Дели (1827–1828), брат санскритолога Генри Томаса Колбрука (1765–1837).

⁷ Томас Теофил Метка(л)ф (1795–1853), служащий Ост-Индской компании и комиссар / агент провинции Дели в 1838–1844 гг.

менялась ситуация с транспортом. В целом Дели довольно быстро подвергался модернизации и обрстал «европейскими характеристиками» [Bulger, 1869, p. 27].

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Упадок могольской империи, нашествия Надир-шаха и Ахмад-шаха Абдали усугубили неприязнь к персидскому языку, и хотя изучение его не прекращалось, появился целый ряд стихотворцев, писавших на урду. Хотя персидский язык оставался официальным языком империи до 1835 г., уже к середине XVIII в. он стал вытесняться из литературы языком урду. Некоторые поэты продолжали создавать произведения на фарси, но их творчество утратило прежнее значение и было лишь данью литературной традиции, отражающей затянувшийся этап двуязычия в общем процессе замены персидского языка в литературе языком урду. Последним крупным индийским персоязычным поэтом был Абдулкадир Бедиль (1644–1720) [Глебов Н. В., Сухочев А. С., 1967, с. 40].

Недовольство положением дел в столице и эмоциональные переживания нашли отражение в жанре *шахр-е ашоб* — стихах о бедствиях и разрушениях города. В этом жанре творили такие известные поэты как Мухаммад Рафи Сауда (1713–1780), Шах Аят Аллах Джоухури (1714–1796), Мир Таки Мир (1723–1810), Шейх Вали Мухаммад Назир Акбарабади (1739–1831), Гулам Хуссейн Расикх (1749–1823) и другие.

Сочинения жанра *шахр-е ашоб* объединяют общая тема и настроение: строки наполнены пессимизмом, драматизмом и меланхолией. Мир Таки Мир тяжело переживал невзгоды, обрушившиеся на его родину. Мир был придворным поэтом в Дели и Лакхнау, свидетелем разрушения индийской столицы, видел горе своих сограждан. Печалью проникнуты стихи Мира, рассказывающие о страданиях разоренного люда:

В деревне почти не осталось людей,
А те, кто ее еще не покинул, давно голодают.
Истощены, измучены девушки-смуглянки,
Голод и нищета иссушили тела красавиц.
[См. Глебов Н. В., Сухочев А. С., 1967, с. 55].

Мир Таки Мир, вынужденный покинуть Дели после разорительных набегов Надир-шаха и Ахмад-шаха Абдали и поселиться в Лакхнау, воспринимал его как чужой город:

Руины Дели мне милее, чем Лакхнау.
О, лучше бы я умер там, чем жить несчастным здесь!
[См. Суворова, 1995, с. 126].

Поэт отделял себя от лакхнауского общества, ставил Дели несоизмеримо выше нового прибежища, объявляя все неделийское второсортным:

Зачем, о жители Востока, надо мной смеетесь
И вопрошаете, откуда взялся я?
Был город Дели на земле, избранник мира.
Я — обитатель разоренной той страны.
[См. Суворова, 1995, с. 126].

Мир Таки Мир, с одной стороны, критиковал могольский двор за то, что разрушилась старая система организации, мусульманская аристократия переживала тяжелые времена, люди теряли доход, работу, средства к существованию. С другой стороны, поэт указывал на беспомощность правителей-марионеток, сидевших на делийском троне [Lehman, 1970, p. 129].

Поэт Мусхафи (1750–1824) нарисовал картины разрушения столицы:

Я вижу опустевший Дели, его руины в тяжком сне.
Его пустынные дворцы, безмолвные дома.
Я вижу сад, изломанный осенней бурей,
Тяжелые и мертвые деревья на земле.
Что спрашивать садовника, где житель сада — соловей:
В пыли лежит комочек перьев за оградой.
[См. Глебов Н. В., Сухочев А. С., с. 68].

Часто поэты *шахр-е ашоб* затрагивали политические темы — они рассуждали об «испорченности» времени, о роли правителя и чиновников в деградировавшем государстве. Придворный поэт Мусхафи одним из первых высказался против английской политики грабежа и насилия:

Все ценное, несметные богатства Хиндустана
Обманом, хитростью забрали англичане.
[См. Глебов Н. В., Сухочев А. С., с. 68].

Современник Мусхафи поэт Джураат (ум. в 1810 г.) вменял в вину индийским правителям и придворной знати то, что они покорно склонили головы перед завоевателями:

Не зовите их теперь амирами и вазирами,
В руках англичан они, как птицы, в клетке.
[См. Глебов Н. В., Сухочев А. С., с. 68–69].

Новый этап культурного развития Дели наступил в начале XIX в. С одной стороны, это было обусловлено временным затишьем на политической сцене и сужением реальной сферы влияния падишахов до территории Дели, точнее, их резиденции — Красного форта; с другой — личными интересами и устремлениями самих падишахов.

НОВЫЕ СТИЛИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

В связи с упадком в первой половине XVIII столетия могольские правители испытывали нехватку средств, что затрудняло содержание и спонсирование придворных живописных мастерских. Часть художников, работавших в мастерской падишаха Мухаммад-шаха, была вынуждена покинуть могольскую столицу и искать покровительства при дворах других индийских правителей [Атманова, 2021, с. 114]. Мастер изобразительного искусства Рай Кальян Дас (Читрман II, работал в 1715–1760 гг.) работал в Авадхе, художник Пуран Натх (Хунхар II, работал в 1730–1780 гг.) сначала работал в Авадхе, а затем переехал в Муршидабад, Нидхамал (работал в 1735–1775 гг.) отправился в Лакхнау [Атманова, 2021, с. 122]. Тем художникам, которые оставались жить и работать в Дели, приходилось либо устраиваться при дворах знатных вельмож,

либо подстраиваться под запросы базарной живописи (*базари калам*) и продавать свои работы на базарах [Атманова, 2021, с. 114–115].

Подъем в делийской культуре наблюдается во время правления последних могольских падишахов — Шах Алама II (1759–1806), Акбар-шаха II (1806–1837) и Бахадур-шаха II (1837–1857). Покровительство падишахов миниатюрной живописи позволило сохранить делийский стиль живописи / *дели калам* (урду *دیلی قلم*). Широкое распространение получила практика копирования живописных произведений, созданных еще в первой половине XVII века, во времена правления Великих Моголов [Атманова, 2021, с. 123]. Часть художников работала в устоявшемся стиле могольской живописи, подражая мастерам прошлого. Сайид Ахмад-хан в книге «Асар-ус-санаид» при перечислении мастеров изобразительного искусства отметил художника Мухаммада Алама, который хорошо разбирался во всех вопросах, связанных с искусством, был примечателен тем, что достиг мастерства в рисовании в «стиле древних» [Sayyid Ahmad Khan, 2018, p. 256].

К середине XIX в. под воздействием европейцев делийский стиль живописи трансформировался, приобретая некоторые черты британского натурализма. Данный стиль получил впоследствии еще большее распространение за пределами Дели и стал называться *кампани калам* (урду *کمپنی قلم*) или стилем/живописью [Ост-Индской] компании или же *фиранги калам* (*фиранги* — европейский). Картины *кампани калам* создавались индийскими художниками для европейцев, живших и работавших на Индийском субконтиненте, особенно для британских служащих Ост-Индской компании. Они представляют собой сплав традиционных индийских художественных стилей с условностями и техническими особенностями, заимствованными из западного искусства. Некоторые картины писались по специальным заказам, другие производились практически серийно, их можно было купить на базарах.

Изменились взаимоотношения художника с его покровителем. Работая в придворной живописной мастерской, художник мог также принимать заказы у других лиц, в том числе у европейцев. В соответствии с предпочтениями заказчика художники могли работать в разных стилевых направлениях [Атманова, 2021, с. 125]. Для могольских падишахов писали преимущественно в могольской манере и технике, для британцев — в стиле *кампани калам*. Могли использоваться разные живописные материалы, например акварель или масляные краски.

Художник Гхулам Муртаза-хан (1760–1840, работал в 1805–1836 гг.) не только под покровительством падишаха Акбар-шаха II изображал на своих миниатюрах имперскую семью, но и творил также при поддержке британских офицеров Джеймса Скиннера⁸ (1778–1841) и Уильяма Фрезера⁹ (1784–1835).

Придворный (в 1817–1855 гг.) живописец Гхулам Али-хан, преемник Гхулам Муртазы-хана, работал в позднемогольском стиле. Он создал несколько вариантов коронационных портретов падишаха Бахадур-шаха II. В то же время в 1815–1819-х гг. Гхулам Али-хан работал на заказ для Уильяма Фрезера и его брата Джеймса Бэйли Фрезера (1783–1856). Портреты, ландшафтные зарисовки, сценки из жизни местного населения впоследствии составили конечное произведение, известное как «Альбом Фрезера» (Fraser Album). Все портреты и зарисовки примечательны свободой поз изображенных персонажей и тем, что их лица обращены к зрителю. Работы, собранные в альбоме, куда вошли и отдельные работы Гхулама Али-хана,

⁸ Джеймс Скиннер (1778–1841) — англо-индийский военный, полковник; служил в Индии, командовал двумя британскими кавалерийскими полками. Хорошо знал персидский язык и написал на нем несколько книг. Позднее Джеймс Скиннер стал известен как Сикандар-сахеб.

⁹ Уильям Фрезер (1784–1835) — государственный служащий британской Индии, агент генерал-губернатора Индии, комиссар территории Дели в правление падишаха Акбар-шаха II.

документируют повседневную жизнь Дели начала XIX в.: на картинах изображены сельские жители, солдаты, танцовщицы, афганские торговцы лошадьми, святые и отшельники, некоторые представители знати.

Другое значительное произведение было создано в середине XIX в. по заказу сэра Томаса Метка(л)фа (1795–1853), служащего Ост-Индской компании и комиссара провинции Дели в 1838–1844 гг. Метка(л)ф заказал художнику Мазхару Али-хану серию иллюстраций с изображениями памятников, руин, дворцов и святынь Дели. Позднее сам Метка(л)ф добавил подписи ко всем картинам, и завершённый альбом получил название «Воспоминания об имперском Дели» или «Книга Дели». Художник запечатлел могольские и некоторые домогольские архитектурные памятники, сценки из жизни города. Все архитектурные здания были изображены в том виде, в котором они существовали в Дели до Сипайского восстания 1857–1859 гг.

Некоторые делийские художники также работали в технике масляной живописи на холсте. Живописец Раджа Дживан Дас (Дживан Рам, работал в 1820–1850 гг.) был чрезвычайно разносторонним человеком и мог творить в различных стилях и техниках. Помимо картин маслом, Дживан Рам также писал миниатюрные портреты на бумаге, а также на слоновой кости. На его живописный стиль, вероятно, повлияли некоторые приемы Джорджа Чиннери¹⁰, в том числе привычка этого художника создавать силуэты своих объектов на фоне темного неба, с сильным боковым освещением. В отличие от Чиннери, обычно на холст накладывавшего краски густым слоем, Дживан Рам наносил тонкий красочный слой, чтобы имитировать совершенно плоскую поверхность индийских миниатюр [Losty, 2015, p. 3].

Дживану Раму покровительствовали британцы из Мирута и Дели из-за его способности рисовать в натуралистичной европейской манере. Дживан Рам написал маслом на холсте портреты европейцев капитана Роберта Макмаллина (1786–1865)¹¹, капитана Уильяма Гардена (1790–1852) и др. [Losty, 2015, p. 3]. Имел он и индийских покровителей — ему благоволили император Акбар II и Бегам Самру¹² (1745–1836). Генерал-майор Генри Слиман писал о художнике следующее: «Раджа Дживан Рам, превосходный художник-портретист, очень честный и приятный человек, недавно был нанят для создания портрета императора [Акбар-шаха II]» [Sleeman, 1844, vol. II, p. 285–286].

Дживан Рам был одним из нескольких художников, кому Бегам Самру заказала серию картин для украшения своего нового дворца в Сардахане в 1834 г. Он работал вместе с Уильямом Мелвиллом¹³ (работал в 1815–1851 гг.) и Джорджем Бичи¹⁴ (1817–1855). Для Бегам Самру было

¹⁰ Джордж Чиннери (1774–1852) — английский живописец, наиболее известный своими работами в Индии и Китае. С 1807 по 1825 г. жил и работал в Калькутте, где занимал положение ведущего художника британской колонии.

¹¹ Роберт Макмаллин (1786–1865) — участник экспедиции на Маврикий в 1810 г., с 1823 по 1831 г. работал дивизионным инженером в Мируте.

¹² Джоанна Нобилис Сомбре (ок. 1753–1836), известна как Бегам Самру (Фарзана Зеб ун-Нисса). Она начала свою карьеру в качестве танцовщицы, дважды была замужем за европейцами, обратилась в католицизм, но в конечном итоге стала весьма влиятельной дамой и правительницей Сардаханы, небольшого княжества недалеко от Мирута. Бегам Самру была главой профессионально подготовленной наемной армии, унаследованной от ее мужа-наемника из Европы Уолтера Рейнхардта Сомбре.

¹³ Уильям Мелвилл прибыл в Индию в 1814 г. в качестве свободного торговца. С 1824 по 1832 г. он работал в фирме «Фергюссон и компания» в Калькутте сначала помощником, а затем партнером. Затем он, похоже, путешествовал по стране и, возможно, жил живописью. Его кисти принадлежат портреты Бегам Самру и Джеймса Скиннера. URL: <https://artcollection.culture.gov.uk/person/melville-william/> (дата обращения: 18.07.2023).

¹⁴ Джордж Бичи (1817–1855), художник-портретист. Путешествовал по Египту с 1821 по 1822 гг. В 1830 г. уехал в Калькутту, откуда в 1832 г. отправил в Королевскую академию портрет «Хиндъ», своей индийской жены. Впоследствии Бичи отправился в Лакхнау, где приобрел большую известность и стал придворным художником наваба Ауда. Бичи занимал эту должность до 1842 г. Картины Бичи довольно редки; некоторые картины могли быть уничтожены во время индийского восстания 1857 г. [См. Graves R. E., Dictionary of National Biography, 1885–1900, vol. 4].

создано более 25 картин маслом. К стилю *кампани калам* относится портрет Бегам Самру кисти Дживана Рама. Портрет датируется примерно 1830 г., когда женщине было почти 80 лет. Художник изобразил ее в изумительной шали желтого цвета, драгоценных украшениях и с *хуккой*¹⁵ в руке¹⁶.

Дживан Рам сопровождал лорда Уильяма Бентинка (генерал-губернатор Индии 1828–1835 гг.) в 1831 г. на встрече и переговорах с махараджей Ранджитом Сингхом (1780–1839) в Рупаре на реке Сатледж. В Рупаре Дживан Рам смог нарисовать портрет Ранджита Сингха. Художник изобразил махараджу сидящим, подтянувшим под себя ноги и опирающимся на две подушки [Losty, 2015, p. 12].

Таким образом, наибольшая активность деятелей искусства наблюдается во время правления Мухаммад-шаха и последних трех позднемогольских императоров. Данный всплеск активности был связан как с возобновлением спонсирования мастеров падишахом и богатыми дельцами, а позднее и иностранцами, так и с временными паузами в нашествиях иноземных захватчиков и грабежах города. Личные вкусы падишахов способствовали трансформации некоторых отраслей дельйского искусства, привнося новое в существующие стили. Покровительство падишаха миниатюрной живописи позволило как сохранить *дели калам* — дельйский стиль живописи, — так и распространить влияние этой живописной школы на другие территории. К середине XIX в. под воздействием европейцев дельйский стиль живописи вновь трансформировался а впоследствии получил еще большее распространение за пределами Дели и стал называться *кампани калам* или стилем/живописью [Ост-Индской] компании.

Несмотря на политические потрясения и все трудности, через которые могольской столице пришлось пройти в XVIII–XIX вв., в культурной среде города не наблюдается явной деградации и упадка. С одной стороны, развитие продолжалось по инерции, когда сохранялись черты «классической» культуры эпохи Великих Моголов, с другой, плачевное состояние империи находило отражение в художественных и литературных работах, что, в свою очередь, привело к возникновению новых стилей и форм. Иностранцы, связавшие свою жизнь и карьеру с Индией и Дели, привнесли в культурную среду города новые черты.

Литература / References

Атманова Ю. Г. *Портрет в индийском искусстве эпохи Моголов*. Отв. ред. В. В. Вертоградова. М.: Триумф, 2021 [Atmanova Ju. G. *Portrait in Indian Mughal art*. Ed. V. V. Vertogradova. Moscow: Triumph, 2021].

Глебов Н. В., Сухочев А. С. *Литература урду. Краткий очерк*. М.: Наука, 1967 [Glebov N. V., Suhochev A. S. *Urdu Literature. Brief essay*. Moscow: Nauka, 1967].

Суворова А. А. *Ностальгия по Лакхнау*. М.: АО Тадем, 1995 [Suvorova A. A. *Nostalgia for Lucknow*. Moscow: AO Tadem, 1995].

Andrews C. F. *Maulvi Zaka Ullah of Delhi. With an Introductory Memoir by the Late Maulvi Nazir Ahmad*. Cambridge: W. Heffer & Sons LTD, 1929.

Blake Stephen P. *Shahjahanabad: The Sovereign City in Mughal India, 1639–1739*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

¹⁵ *Хукка* — курительный прибор, небольшой кальян.

¹⁶ Portrait of Begum Samroo. Victoria and Albert Museum Collection. URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O16833/portrait-of-begam-samru-painting-jiwan-ram/> (дата обращения: 18.07.2023).

Bulger George E. *Notes of a Tour from Bangalore to Calcutta Thence to Delhi, and, Subsequently, to British Sikkim during the Early Part of 1867*. Secunderabad: Regimental Press, 1869.

Dargah Quli Khan. *Muraqqa-e-Dehli. The Mughal Capital in Muhammad Shah's Time*. Tr. Shekhar C., Che-noy S.M. Deputy Publication. Delhi, 1989.

Graves R. E. *Dictionary of National Biography*, 1885–1900. Vol. 4. Beechey, George D.

Hamilton Walter. *A Geographical, Statistical, and Historical Description of Hindostan and the Adjacent Countries* in Two Volumes. London: John Murray, 1820. Vol. I.

Lehman Fritz. Urdu Literature and Mughal Decline. *Mahfil*. 1970. Vol. 6. № 2–3. Pp. 125–131.

Losty J. P. Raja Jivan Ram: A Professional Indian Portrait Painter of the Early Nineteenth Century. *Electronic British Library Journal*. 2015. Article 3. URL: <https://www.bl.uk/ebj/articles/2015-articles> (дата обращения: 18.07.2023).

Lough, J. *France under Louis XIV*. The New Cambridge Modern History. Vol. V. The Ascendancy of France 1648–88. Ed. by Carsten F.L. Cambridge University Press, 1961.

Matheson John. *England to Delhi: a Narrative of Indian Travel*. London: Longmans, Green, and Co, 1870.

Minturn Robert B., Jr. *From New York to Delhi, by Way of Rio de Janeiro, Australia and China*. New York: D. Appleton & Co, 1858.

Portrait of Begum Samru. Victoria and Albert Museum Collection. URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O16833/portrait-of-begam-samru-painting-jivan-ram/> (дата обращения: 18.07.2023).

Sayyid Ahmad Khan. *Asar-us-Sanadid*. First edition 1847. Second edition 1854. Tr. and ed. by Rana Safvi. Tulika Books. New Delhi, 2018.

Spear Persival. *History of Delhi under the Late Mughals*. Delhi: Low Price Publications, 2011.

Steel F. A. *On the Face of the Waters*. New York, 1897. Bk. 2.

Sleeman William. *Rambles and Recollections of an Indian Official*. London, 1844. Vol. II.